

Елена Сазанович

Васильки на Тверской

Елена Ивановна Сазанович Васильки на Тверской

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11787064
лена Сазанович Васильки на Тверской: авторское издание;*

Аннотация

«...Мне вообще кажется, что каждая эпоха – это отдельная планета. И чужие планеты не стоит пока покорять. Мы еще не покорили свои. Бывает, эпоха длится сто лет – но событий на десятилетие. Впрочем, это не про Россию. Бывает, эпоха длится десятилетие – а событий на десятки веков. Вот это, увы, про нас. В том числе про те далекие 90-ые... Хотя не такие уж и далекие. Что такое двенадцать, пятнадцать, ну пусть даже двадцать лет? И все же. Теперь мне те годы вспоминаются настолько отчаянными, чужими и страшными, словно кто-то по ошибке сбросил на нас эти десятилетия. И они взорвались. Как бомба. Раня нас, калеча, убивая. И все-таки мы как-то выжили...»

Елена Сазанович

Васильки на Тверской

(рассказ)

Мне вообще кажется, что каждая эпоха – это отдельная планета. И чужие планеты не стоит пока покорять. Мы еще не покорили свои. Бывает, эпоха длится сто лет – но событий на десятилетие. Впрочем, это не про Россию. Бывает, эпоха длится десятилетие – а событий на десятки веков. Вот это, увы, про нас. В том числе про те далекие 90-ые... Хотя не такие уж и далекие. Что такое двенадцать, пятнадцать, ну пусть даже двадцать лет? И все же. Теперь мне те годы вспоминаются настолько отчаянными, чужими и страшными, словно кто-то по ошибке сбросил на нас эти десятилетия. И они взорвались. Как бомба. Раня нас, калеча, убивая. И все-таки мы как-то выжили. Или уцелели. Но осколки от снарядов по-прежнему не дают спать по ночам. Впиваясь в воспаленную память. Впиваясь в 90-ые годы. Когда и снег был грязнее, и солнце слабее, и дожди сильнее. Когда мы настолько медленно и мучительно шли к Богу. Насколько быстро и легко убегали от Родины. Первое нам удавалось с трудом. Второе нам просто удавалось. Но, к счастью, не удалось.

И такой была наша Москва. Точнее она была не наша. Но мы в ней жили. И были молоды. И даже позволяли себе любить. Хотя любовь давалось все тяжелее и тяжелее. Как и лю-

бовь к Родине. И все проще и проще давалась ненависть...

Моя Майя. Раньше я никогда не задумывался, насколько человеку может подходить его имя. И лишь тогда, в те отчаянные годы понял, насколько оно может не подходить.

Мне нравился май. Время моих самых любимых праздников. Когда взрывами яркой зелени бушевала весна, и солнце было еще всего лишь подростком. В мае хотелось любить, играть случаем и не думать о смерти. В мае хотелось жить. Я полюбил женщину, удивительно притягивающую какой-то особенной внутренней силой. И почти равнодушной красотой. Женщина с именем Майя. Волосы цвета осени, глаза от ушедшего лета, на лице застывшая зимняя печаль.

У нее должно бы быть какое угодно имя, но только не Майя. Она и осталась там, в 90-ых. В той утренней дождливой московской осени, которая так была на нее похожа. И которая ее приняла навсегда.

Я пытался вспомнить ту нашу, кажется, третью или четвертую, нет, все-таки третью по счету встречу. Ну вот, я уже забываю. Наверное, все заплатил по счетам. Или старею. А, может быть, просто уже отпустила боль. И я добровольно пытаюсь ее удержать силой.

Это была третья или все-таки четвертая наша встреча. И первое наше свидание.

Майя ждала меня в условленном месте, в скверике Тверского бульвара возле детской деревянной горки, там еще стоял деревянный, неудачно вырезанный под народный стиль,

медведь. Майя была по-осеннему прекрасна. В маленьком мокром скверике, утопающем в желтой листве. Белый коротенький плащ. Рыжие волосы под шелковой косынкой.

– Здравствуйте, Майя, – от смущения я похлопал медведя по узорчатой спине. Спина была холодная и влажная. И медведь укоряюще на меня посмотрел.

– Вы, как я вижу, не особо торопились, – вместо приветствия ответила она. Ее лицо по-прежнему выглядело непронимаемым. – Я уже собиралась уходить.

И я вдруг подумал, что, может быть, действительно было бы лучше, чтобы она ушла. Чтобы все, еще не начавшись, на этом и закончилось.

– Вы же хотели, чтобы я ушла? – она вызывающе смотрела на меня. И я ответил на ее вызов.

– Да, возможно... Может быть, и хотел.

– Именно потому я и осталась.

– Вы любите поступать наперекор чужим желаниям?

– Скорее, наперекор своим. Но не будем. Я просто попрошу вас проводить меня в церковь.

Я изумился. И молча уставился на нее. Меньше всего я походил на духовного наставника. И при этой мысли улыбнулся.

– Сегодня какой-то особенный день?

– А что, только по особенным дням ходят в церковь? – она довольно резко отреагировала на мою ехидную улыбочку.

– Нет, что вы. И провожу вас с удовольствием... Вы че-

го-то боитесь?

Мой неожиданный вопрос застал ее врасплох. Мне показалось, что я попал в точку.

– Почему я должна бояться? Просто я впервые иду на исповедь. И мне хочется, чтобы кто-то был рядом.

Я решил не провоцировать ее вопросом, почему этим кто – то должен быть я. Я уже боялся, что она действительно может уйти.

Майя привела меня к белому кафедральному собору, золотые купола которого вонзались в серое небо. Церковь Рождества Богородицы в Путинках, что на старом Посольском дворе, возле нынешнего Ленкома.

– Почему именно в этом божьем храме вы хотите отворить дверцы своей грешной души? – я старался соответствовать обстановке. Но Майя обиделась.

– Оставьте вашу иронию.

– Да нет, что вы! Я вовсе не иронизирую. Просто сужу по себе. Я бы предпочел маленькую старенькую церквушку на окраине города. Мне кажется, именно в таком месте было бы проще покаяться.

– Я не задумывалась над местом. Просто мой муж всячески поддерживает эту церковь. Ну и к тому же здешний батюшка является его духовником, – Майя говорила торопливо, словно стыдилась своих слов и пыталась поскорее от них избавиться.

– У вас хороший муж. Он найдет способ договориться и с

самим господом Богом. И это, безусловно, веский аргумент, чтобы посещать именно эту церковь. Щедрые взносы вашего мужа непременно и вам зачтутся. И непременно разные темные делишки будут прощены, – меня опять внезапно понесло. – Кстати, сколько у вас на счету темных делишек?

Майя с ненавистью оглядела меня с ног до головы.

– Идите вы, – процедила она сквозь зубы и почти бегом направилась к церкви.

А я еще некоторое время созерцал недоступный блеск храма, прикидывая, стоит ли мне, грешнику, переступить его порог. В глубине души к таким вещам я относился крайне серьезно. Но мои сомнения мгновенно разрешились, едва я заметил своего давнего знакомого Погоцкого, проще говоря – Редиску. Моего бывшего однокурсника по медицинскому, шестерку, стукача и негодяя, ныне главврача кардиологии, по вине которого когда-то умерла жена моего лучшего товарища Галка. Редиска небрежно хлопнул дверцей серебряной “Вольво” и демонстративно покрутил ключами на указательном пальце.

На всякий случай я отошел в сторону и остановился на углу, хотя был уверен, что Редиска меня не узнает. Впрочем, он и не собирался глазеть по сторонам. Он еще раз проверил дверцу машины на прочность, чтобы кто-нибудь из прихожан ее не угнал и тут же принял скорбный и отрешенный вид. Он даже нахмурил лоб для придания ситуации особой серьезности и, как подобает, перекрестившись три раза у

входа и поклонившись до самой земли, двинулся по лестнице медленной походкой. Но какую бы философско-трагичную мину он не старался нарисовать на своем лице, я мгновенно сообразил, что парень вчера вдоволь повеселился. Это нетрудно было заметить по его мятой, покрытой красными пятнами физиономии, отеком век и мутно блестящим глазкам. Судя по тому, что он явился к заутренней, значит, наверное, вообще не ложился спать.

После Редиски я смело переступил порог храма. Я был не самый худший из живущих. К тому же мне хотелось взглянуть на этого кающегося негодяя, который так и не протянул руку помощи жене моего лучшего друга Галке.

В церкви, несмотря на ее новизну, центральное расположение и значимость, людей было немного. В основном, старушки. Парочка толстых иностранцев в коротких штанах и ветровках, обвешанных камерами и фотоаппаратами, которые так и не удосужились снять свои дурацкие бейсболки. Да еще несколько «новых русских», наиболее «скорбящих», которые стояли впереди всех. В самом углу, не похожая на себя, растерянная, я увидел Майю со свечой в руках. И ее несовершенный профиль с россыпью веснушек на бледном лице и глаза, в которых я впервые прочел детский испуг и любопытство.

Погоцкий стоял у алтаря. Он усерднее всех крестился, время от времени падая на колени. Потом долго о чем-то шушукался с батюшкой. Наконец зажег свечку. Его и без того

печальная мина стала еще печальней, словно он хотел явить себя окружающим истинным воплощением скорби всего мира. Наконец Редиска медленно и спокойно поставил свечу на центральном подсвечнике. Свеча оказалась самой большой и длинной среди множества тонких рублевых свечек. И удовлетворенно улыбнулся. Но тут же вспомнив о мировой скорби, вновь натянул на лицо печальную маску.

Майя, неуверенная и испуганная, внимательно и благоговейно следила за почти профессиональными действиями Редиски. Потом очень долго пыталась зажечь свою свечу. Ее руки дрожали. Наконец ей это удалось, и она попыталась поставить свечу перед иконой святого Дмитрия Донского. Однако через мгновение свеча резко наклонилась, потухла и упала на пол. Майя громко вскрикнула.

– Дурная примета, – заметил, обернувшись, раб божий Погоцкий-Редиска.

Мне показалось, что Майя сейчас упадет в обморок, вслед за свечой. И я быстро подошел к ней. Поднял свечу, зажег и поставил на место.

– Идемте, Майя, – я взял ее под руку.

И тут меня наконец-то заметил Редиска. От удивления его лицо, и без того румяное, просто вспыхнуло.

– Ты, что ли?

Я не ответил и быстро повел Майю к выходу. На улице ее по – прежнему знобило. Я убрал ее взбившиеся волосы под платок. И его длинные концы плотно обмотал вокруг шеи.

– Дурная примета, да? – растерянно бормотала она, как напуганный ребенок.

– Глупости! – улыбнулся я. – Никакой здесь приметы нет. Абсолютно никакой. Тем более грех верить в приметы на пороге храма – языческие предрассудки.

– Значит... Значит, просто я недостойна... Я – грешница...

Я уже смеялся.

– Глупенькая, какая глупенькая... В общем, ничего это не значит.

Мы уже собирались уходить, как я услышал позади себя громкий возглас.

– Акимов!

Меньше всего мне хотелось здороваться с Редиской и больше всего хотелось съездить ему по сытой физиономии. Но у святого места даже такой отъявленный грешник, как я, на это не решился.

– Здравствуй, Акимов! – он уже было протянул мне руку для приветствия, но, словив мой полный ненависти взгляд, тут же ее одернул.

– Вот уж не ожидал, что ты посещаешь храм Божий, – мирно сказал он, видимо, помня известную заповедь о нежелании зла ближнему.

– А я вот вполне допускал, что церковь ты посещаешь регулярно и даже стоишь всю службу, – сквозь зубы процедил я.

Он не отреагировал на мой тон. Напротив, хвастаясь, принялся рассказывать, что не только посещает церковь, но и всячески оказывает ей материальную помощь. Более того, скоро его благословит батюшка – на проведение религиозных лекций, которые, возможно, будут транслироваться на нашем благословенном телевидении, где он станет учить нас, грешных, основам православия и наставлять на путь истинный. Речь его была до мерзости елейной и напыщенной. И сопровождалась фразами типа “Где уж мне, рабу Божьему”, “Как пророчествовал апостол Павел”, “Мы, земные твари”... и т. п.

В этом был весь Редиска. Пожалуй, в жизни я не встречал человека подлее. Я знал негодяев, мошенников, лгунов и завистников. Но они... Но они были такими и не скрывали этого. Я не знал, мучился ли Редиска по ночам угрызениями совести. Скорее, нет, потому что был уверен в своей святости и непогрешимости. В желании делать только добро. Я хорошо помнил его по мединституту. Он всегда был угодлив, вежлив и мил. Хотя все знали, что он просто шестерка. Он бросил пить и курить только ради того, чтобы в очередной раз продемонстрировать всем свою святость. И тем самым заработать (против нас, пьяниц и гуляк) еще один козырь. Хотя говорили, что в одиночку он был не прочь хорошенько напиться.

Будучи жадным по натуре (я помню, как на картошке, ночью мы застукали его, жующим под одеялом присланное

родителями сало), он тем не менее спешил раздавать деньги неимущим и малообеспеченным, непременно озираясь на зрителей. Без зрителей не «работал». А 9 Мая он вставал раньше всех и первым возлагал цветы на могилу Неизвестному солдату. А потом громогласно об этом рассказывал, подчеркивая нашу бесчувственность и равнодушие к памяти героев. После этих его рассказов даже было неловко повторять его «добрый поступок». И мы тайно от него просто выходили на улицы поздравлять ветеранов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.